

12 АПР 1981

С ПЕСНЕЙ В СЕРДЦЕ, С ВИНТОВОЙ В РУКАХ

Неувядаема память последней суровой войны. Жива в наших сердцах боль о погибших героях. И если в мирный ясный день на небо с горизонта наплывают густо-черные тучи, сердце иногда невольно щемит в тревоге: не дым ли это фашистских крематориев, не тени ли сожженных?

«Умру...

И на моей могиле трава зазеленеет...» — так писал поэт Музай, чьей могилы на земле нет.

«Разбиты наголову вражеские силы,

Мир воцарился в селлах, городах.

Погиб сын Волги...

И его могила

В живых цветах теперь, в живых цветах» — так писал подполковник Музай, чью могилу мы не можем увенчать цветами, — ее нет.

Спустя десять дней после того, как в тюрьме Плетцензее фашисты убили джалильцев, 4 сентября 1944 года в фашистском лагере смерти Дахау были расстреляны и сожжены в печах крематория 92 советских офицера — руководители подпольной организации. И среди них поэт, подполковник Музагит Хайрутдинов.

...В конце пятидесятых годов в Союз писателей Татарии пришел пожилой, невысокого роста человек, представился: «Тазетдинов, подполковник в запасе». И продолжал: «Я один из тех, кто видел в последнюю раз в концлагере Дахау Хайрутдина Музая. Приговоренный фашистами к смерти, поэт попросил меня исполнить его завещание: «Если удасться уцелеть и вернуться домой, расскажи народу, как мы боролись против фашистов, об их зверствах». И вот я, выполняя его последнюю волю, рассказываю об этом на встречах. Но я не писатель, меня слышат немногие. А если бы о Музая написал кто-нибудь из вас, это дошло бы до всех. Ведь поэт ушел из жизни, так и не создав своих последних стихов, поэм...».

Эти слова мне долго не давали покоя. Постепенно образ Хайрутдина Музая ожил, зазвучал в моем сердце.

В строках поэта: «Песня в моем сердце, а в руках — винтовка», — уместается вся его биография. Боевая во всем. Помню, как я и мои сверстники были накануне Великой Отечественной войны еще мальчишками, наши старшие братья участвовали в военных учениях, стреляли из винтовок в мишени. Они шагали в строю и пели «Марш стрелков». Позже я узнал: автором этой песни был Хайрутдин Музай.

Он родился 26 марта 1901 года в Башкирии в деревне Турекмен Туймазинского района. Восемнадцатилет ушел в Советскую Армию. И с тех пор до последнего своего вздоха — он солдат, офицер. В Средней Азии сражается с басмачами. На озере Хасан воюет против японских самураев.

В 1932 году в Казани выходит первый сборник его стихов «Люди с винтовками». Им еще недостает поэтической гармонии, изящества, но они полны искреннего чувства красноармейца, верного своей присяге. Им недостает поэтического обобщения наиболее ха-

К 80-летию со дня рождения поэта Хайрутдина МУЗАЯ

раактерных примет времени, но молодой поэт твердо понимает главное: настоящая жизнь — это и есть поэзия. А когда ради этой жизни он входит в пламя Великой Отечественной, голос Музая-поэта крепнет, раскрывается в полной мере, набирает мощь, смелеет. Он уже способен написать такой сильный стих, как «Открытое письмо немецкому народу от командира и поэта Музая». Будучи командиром полка, он на передовой линии фронта, испытывает тяжкую горечь отступления, содрогается, видя зверства фашистов. И он зовет к беспощадной борьбе с жестоким и коварным врагом:

Себя нисколько не щадил я:
Ни крови, ни души, ни сил.

Порой враг хвастал

«Победили!»,

А я все бил его и бил.

В 1941—42 годах Музай ведет на фронте «Летопись войны». Четыре тетради, написанные в окопах, под огненным дождем. Это не только документ, показывающий в самые трудные годы веру советского офицера в нашу победу и раскрывающий зверское лицо фашизма, но и вполне зрелое литературное произведение, доказывающее, что талант Музая-прозаика стал раскрываться в реалистическом русле.

В одном из бесчисленных боев разбивается снаряд, и командир полка падает контуженный, теряет сознание. Начинается трагедия фашистского плена. Что это? Бесславное поражение? Нет!

Пусть сердце разорвет

на части,

Пусть возведут на эшафот,
Я буду до конца сражаться

За вас, о Родина, народ!

С этой клятвой коммунист и в неволе остается командиром. В Мюнхене, в лагере военнопленных, создается подпольная организация. Ее руководители — 92 советских офицера, один из них, под кличкой «Самсон», — Хайрутдин Музай. Интернациональная организация, объединившая в своих рядах людей разных национальностей, входит в контакт с немецкими антифашистами, распространяет антифашистские листовки, готовит вооруженное восстание. Но в нее проникает предатель. Гестапо, схватив руководителей подполья, бросает их в лагерь смерти Дахау. Но и здесь не сдается Музай. Никакие пытки не могут сломить отважного сердцем советского патриота. Глядя на мрачный нескончаемый дым из труб крематория, он, может быть, не раз повторял про себя строки, написанные на фронте:

Пусть враг своею мощью

угрожает,

Пусть смертный день и час
мой настаёт, —

На белом свете силы нет,

Что победит Отчизну

и народ!

Сутками мучаясь без капли воды, поэт, быть может, слышал журчание родника в родной деревне... (По рассказам земляков, Музай, возвращаясь

в Турекмен, подолгу сидел у родника, погруженный в думы. Позже я узнал: этот источник народ называет теперь «родником Хайрутдина»).

Свою «Ненаписанную поэму» о Музая я создавал, как бы исполняя завещание поэта и командира. Как просил Сагит Тазетдинов, читаю ее почти на каждой встрече. И так уже несколько лет... Не помню наизусть ни одного своего стихотворения. А вот «Ненаписанную поэму» читаю на память. Волнует меня одно: доходит ли до сердца каждого завещание поэта?..

В этом году я неожиданно получил письмо из Башкирии, из деревни Дуртойле Аургазинского района. Бывший узник Дахау, автор книги «Мы старше своей смерти», вышедшей в Уфе, Вали Бикташев пишет: «Произведение ваше, хоть и не документальное, но очень верно отображает события, и я вам, как один из друзей Музая и как один из свидетелей его мученической гибели, говорю огромное спасибо.

Когда они (92 советских офицера) два с половиной месяца жили в бараче смертников № 27, находясь под следствием гестапо, мне удалось дважды с большим риском пробраться к Музая и выполнить поручение товарищей. Он прочитал мне наизусть очень хорошие патриотические стихи, написанные в плену, даже поэму. Он сказал адрес своих родных в Турекмене, последние слова и просьбы. В тот раз у него был измученный вид, лицо и тело в синяках. Но в следующее посещение я с большим трудом его отыскал и едва узнал. Он не в силах был подняться с нар: во рту не осталось ни одного зуба, уши отрезаны, икры ног исполосованы ножом, на груди выжжена свастика. Многих слов его я не мог разобрать, больше догадывался по смыслу:

— Я до последнего вздоха остаюсь верным Родине. Никакой тайны — военной или связанной с подпольной организацией — я не выдал. Если останешься жив, так и расскажи о нас людям...

Мне суждено было остаться в живых и вернуться домой.

...Сейчас деревня Турекмен слилась с городом Октябрьским. Общественность города немало сделала для того, чтобы увековечить память о Музая: улица, на которой он жил, названа его именем, на доме укреплена мемориальная доска. Это событие произошло 6 мая 1978 года в торжественной обстановке. В нем участвовал и я, как живой свидетель...».

Письмо Вали Бикташева подтверждает, что Музай и в плену писал стихи и создавал поэму. Они погибли вместе с ним. Но песню уничтожить невозможно, как и память о герое.

В 1941 году утверждавший: «Не исчезнет песня,

Песне вечно жить!» — коммунист, офицер и поэт Хайрутдин Музай, призывая к подвигу, будет песней жить и жить среди нас.

Ильдар ЮЗЕЕВ.

Поэт.